

УДК 1(075.8)

В. И. Шубин*Днепропетровская финансовая академия*

АНТРОПОЦЕНТРИЗМ КАК МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ ПРИНЦИП: ИСТОКИ, СУЩНОСТЬ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Раскрываются отрицательные последствия антропоцентрической парадигмы для европейской цивилизации и культуры.

Ключевые слова: антропоцентризм, мировоззрение, сциентизм, технократизм, цивилизация, культура, наука, религия, творчество.

Розкриваються негативні наслідки антропоцентричної парадигми для європейської цивілізації та культури.

Ключові слова: антропоцентризм, світогляд, сциєнтизм, технократизм, цивілізація, культура, наука, релігія, творчість.

Negative consequences of anthropocentric paradigm for European civilization and culture are opened.

Keywords: anthropocentrism, world outlook, scientism, technocratism, civilization, culture, science, religion, creativity.

Сциентическая парадигма – следствие становления и утверждения антропоцентрического мировоззрения, пришедшего на смену теоцентризму, привела к отказу от Бога, так и от Космоса. Вместо того, чтобы дополнить идею Космоса идеей Человека, европейская цивилизация отказалась от того и от другого. Таковы неизбежные следствия, вытекающие из антропоцентрической установки. Таким образом, научная картина мира, вырвавшаяся в недрах античности и средневековья, подорвала в дальнейшем вытеснила космоцентрическую и теоцентрическую модели бытия мира и человека. Итогом этой рационалистической парадигмы стало отчуждение человека от природы, потеря его укороченности в Космосе, которая тем быстрее свершалась, чем активнее происходил отрыв человека от земли, вовлекающей человека в природные циклы. В античном космоцентризме имело место принижение роли личности, растворение человека в объекте, в космической стихии; в научном же мировоззрении, а точнее – в научной картине мира, реализовалась другая крайность – утеря самоценности природы, противостояние субъекта объекту, самообожествление субъекта [2].

История знает множество различных цивилизаций, но абсолютное большинство из них было нацелено на воспроизводство сложившегося однажды и освященного авторитетом религии социокультурного опыта, системы ценностей. Жизнь конкретного индивида в этом случае почти

полностью определялась внешними по отношению к нему факторами, поэтому силы его внутренней детерминации, то есть разум, воля, совесть и другие феномены субъективного мира, были скованы и не обнаруживались в свободном творческом самоутверждении. Появление нового в этих традиционных культурах было возможно лишь в обличии традиций, как, например, имело место в случае со средневековой индийской философией, арабской поэзией или китайской драмой. Новое было возможно также в результате внешнего взаимодействия, но оно не наносило ущерба ядру данной культуры, то есть сложившейся системе ценностей. Человек рассматривался в качестве универсума (божественного, природного, космического, социального) и не в коем случае не противопоставлял себя целому. Таковы существенные особенности традиционных цивилизаций.

Принципиально иной тип культуры и цивилизации сложился в Западной Европе. Это произошло в результате исторического диалога античной (греко-римской) и христианской средневековой систем ценностей. Итогом данного диалога стало формирование в эпоху Возрождения нового образа человека, устремленного на свободное самоопределение в мире. Это потребовало коренной переоценки традиционного мировоззрения. На протяжении полтысячелетия, отделяющего Средние века от Нового времени, имели место три эпохальные явления – Ренессанс, Реформация и Научная революция XVII в., каждая из которых явилась этапом в преодолении теоцентрического мировоззрения и становления новоевропейской самодостаточной мирской модели мира. Итальянское Возрождение представляло собой первый и решающий шаг к новому мирозерцанию, рассматривающему мировоззрение в качестве абсолютно автономной системы, независимой от каких-либо надмировых сверхприродных влияний. Эта мировоззренческая эмансипация была одновременно и эмансипацией человека, что и составляет сущность ренессансного гуманизма.

К середине XVII в. критическая «переоценка ценностей» (Ф. Ницше) завершилась утверждением новой культуры. Ее отличали следующие особенности. Во-первых, динамизм, то есть готовность к отказу от прежних стереотипов мышления, форм жизни и способов деятельности в пользу более эффективных и прогрессивных; во-вторых, десакрализация, то есть дистанцирование от религиозного мышления и религиозной практики; в-третьих, утверждение свободы в качестве высшего и неотъемлемого права человека; в-четвертых, ориентация не на прошлое, как это имеет место в традиционных культурах, а не будущее, на изменение существующего образа жизни и мысли. В соответствии с этими установками самоценной признается ориентация на действие, поиск, открытие и утверждение нового во всех сферах жизни, что провоцировало на критику традиции. Новоевропейская культура впервые не содержит в своем социокультурном опыте религию. Вытеснение ее на духовную периферию внесло колоссальный момент неопределенности в человеческое существование и побуждало искать альтернативные религиозным императивам смыслы, идеалы и ценности. В культуре Нового времени они синтезировались в вере человека в свой Разум, в способность само-

стоятельно творить мир на принципах социальной справедливости, равенства, гуманизма и всестороннего развития сущностных сил человека безотносительно к какому бы то ни было заранее установленному масштабу (К. Маркс).

Главный инструмент реализации своих идеалов и ценностей новоевропейский человек усматривал в науке. И не без оснований, ибо благодаря открытиям XVII–XIX вв. и их последующему воплощению в техническую практику в Западной Европе, а позднее и в США, возник новый тип цивилизации, получивший название индустриальной или техногенной. Она основана на знании законов природы и умении использовать их в интересах человека. Таким образом, в западной культуре центральное место занимает наука. Она ориентирует человека на идеалы и нормы рационального мышления, то есть расчет, калькуляцию, логику, исчисление последствий. Практическое воплощение этих идеалов в жизни предполагает постоянную экспансию искусственного (технического) мира и подчинение действий индивида искусственной среде. Это значит, что мир техники обретает собственную логику бытия и чтобы нормально функционировать, он должен ассимилировать в себя человека и превращать его в один из элементов социотехнической системы. Но тем самым человек превращается в «одномерное» существо, ибо только в таком качестве он нужен техногенному обществу. «Одномерность» означает прежде всего отсечение человека от ценностей гуманистической культуры, которую репрезентируют философию, искусство, мораль, религия. Эти формы общественного сознания аккумулируют в себе инаучный опыт о мире, часто нерационализируемый, но жизненно важный. Они связывают человека с подлинным бытием – Богом, природой и другими людьми.

Наука, таким образом, является наиболее аутентичной формой манифестации творческих потенций разума. Опредемяясь в технике, в способах организации труда, системах коммуникации, социальных институтах и образе жизни людей, она кардинальным образом преобразует мир и расширяет поле человеческой деятельности. Не удивительно поэтому, что уже к концу XIX вв. на волне индустриализации наука заняла центральное место в духовной культуре западной цивилизации. Тем самым в лице науки разум превратился в меру всех вещей, а это сильно сказалось и на других сферах культуры. Так, мораль получила утилитарное исполнение; искусство сделалось дегуманизированным (абстракционизм, кубизм, футуризм, конструктивизм – все это формы инабытия рации в художественном творчестве); религия отеснена в частную жизнь, а философия занялась переосмыслением собственных оснований или же превратилась в служанку науки. Сформировавшаяся научная картина мира стала претендовать на статус мировоззрения; появилось даже выражение – научное мировоззрение. Мир, согласно данному мировоззрению, есть детерминистская конструкция, прозрачная для научного разума и потому доступная калькуляции и расчету. Социум подтвержден в такой же степени прогнозированию как и природные объекты, что позволяет взять под контроль общественные процессы и обеспечить каждому индивиду возможность всестороннего развития.

Реалии XX в., однако, внесли в эту схему такие трансформации, которые, по сути, изменили образ человека и парадигму культуры. Первым серьезным столкновением классического разума с жизнью стала мировая война 1914–1918 гг.; она подорвала веру западного человека в идеалы рационализма и прогресса, а также в собственные мессианские устремления. Наиболее ярко этот кризис в умонастроениях времени выразил О. Шпенглер в своей знаменитой книге «Закат Европы». К середине XX в. стало понятно, что человек – существо в такой же степени рациональное, как и иррациональное, доброе и злое. В результате деконструкции европейского самознания открылся фундаментальный факт: данная противоречивость в человеке неизбежна, субстанциональна. Отсюда следует, что рационально сконструированный западным человеком мир не соответствует всей полноте человеческой природы. Человек укоренен в мире посредством всей совокупности своих сущностных сил, а Разум – лишь одна из них. Его абсолютизация в лице науки с неизбежностью ведет к деформации культуры, к ее одностороннему развитию. Сущность нынешней деформации заключается в том, что культура техногенного общества сориентирована на идеалы и нормы научного познания. Испокон веков прерогатива выработки смыслов и целей человеческого существования происходила в недрах мифологического, религиозного и философского сознания. Однако, в определенный момент развития науки в общественном менталитете возникла иллюзия, будто научное мировоззрение (схема бытия) и бытие как таковое суть одно и то же.

Попытки использовать науку в несвойственных ей функциях прежде всего связаны с эксплуатацией идеи будущего, хотя это будущее лишь недавнее изобретение человеческого ума. Люди всегда жили в настоящем и доверяли смыслоразличительным интуициям своих предков. Западная же наука, став новой «осью» мировой истории. Открыла перед человечеством возможность посторонних перспектив. Тем самым будущее стало превращаться для новоевропейского человека в фетиш, которому нужно поклоняться и ради которого можно жертвовать настоящим. Перспектива будущего предполагает вертикаль, то есть идею прогресса; поэтому мир с перспективой будущего имеет вершину, требующую ее достижения. Иначе говоря, научное сознание порождает проективный тип культуры, в рамках которого обосновывалась идея безграничного общественного прогресса (М. Ж. А. Кондорсе), позитивной эпохи человечества (О. Конт), коммунистической общественной формации (К. Маркс), общества всеобщего благоденствия (У. Ростоу) и т. д. И опять собой. Все попытки подчинить жизнь индивида и общества рациональной воле оказались несостоятельными. В итоге новоевропейская классическая культура потеряла не только свое основание, но и свою вершину. Сегодня все громче звучат голоса о «конце истории» (Ф. Фукуяма).

Стало быть, неординарность нынешней ситуации заключается в том, что европейская культура, утратив «вершину», одновременно теряет и собственное основание – традицию. В основе новоевропейской традиции, напомним, лежат идеалы и ценности высокого рационализма – вера человека во всемогущество разума, в свое право господствовать над природой, вера в реальность построения «светлого будущего» и

воспитание «нового человека». Но, как свидетельствует опыт XX ст., путь тотальной рационализации, ведет в тупик.

Новоевропейский проект в основном себя исчерпал и необходима новая система жизнесмыслов, «третья ось» мировой истории. Переориентация с цели на становление ведет к другому искушению: к абсолютизации творчества как такового. Действительно, современного человека мало интересует будущее и проблемы потомков, он весь в настоящем. Но это, похоже, мало заботит «восставшие массы» (Х. Ортега-и-Гассет). Они хотят жить «здесь и теперь». Суммируя суть происходящих перемен, можно сказать следующее: на наших глазах происходит рождение нового типа цивилизации. Ее именуют по-разному, но дело не в названии, а в том, что формирующийся тип общества означает переход человечества на какой-то принципиальный уровень бытия, в котором поток креативности неудержим, как течение реки, и перескочить его невозможно. К чему это приведет, можно только гадать, но некоторые моменты в этом процессе наводят на определенные размышления.

Творчество – это, возможно, самая интимная грань человеческой экзистенции. Ныне качественно обновляется не только мир артефактов, то есть создаваемая человеком предметная среда его обитания, но возникает и невиданный прежде компьютерный мир виртуальной реальности. Передоверяя творческий процесс компьютеру, человек расширяет сферу искусственного, а сам превращается в пассивного наблюдателя нового бытия, созданного кем-то другим. Сегодня моделируется, математизируется, формализуется все, включая душу, чувства, сознание. Самое глубокое противоречие современной эпохи есть противоречие между естественным и искусственным. Человеческое бытие все больше подчиняется императивам функционирования искусственной среды. Другими словами, все возвращающий вал творчества во имя творчества как такового, безотносительно целей и берегов ведет к минимизации в нем человеческого начала. А это приводит к тому, что творчество из манифестации человеческой свободы превращается в проявление произвола. Сегодняшний вал новшеств – это часто не буйство духовной силы, а программа, калькуляция, машина. В подобной ситуации нельзя исключать возможность самопроизводства, а затем самопорождения искусственной средой себя самой с перспективой «снятия» человека. И такого рода предложения не беспочвенные.

Возможно, что в XIX в. произойдет самый удивительный технологический переворот в истории человечества, и связан он будет с так называемыми нанотехнологиями, позволяющими работать с объектами сверхмалой величины. Возможность их появления в свое время предсказывал лауреат Нобелевской премии, знаменитый физик Э. Фейнман. По его словам, не за горами время, когда человечество сможет конструировать материальный мир, манипулируя атомами и молекулами, как теперь болтами и гайками. Сейчас уже созданы первые «ассемблеры» – сборщики атомов. Энтузиаст нанотехнологий, американский физик Э. Дрекслер убежден, что уже нынешнее поколение «сборщиков» может создавать самовоспроизводящееся интеллектуальное окружение человека, признанное решать и удовлетворять любые его потребности. Какая

культура будет соответствовать нанотехнической цивилизации – вопрос риторический. Ведь по сути, прецедентов в истории не было. Отдаленным аналогом, возможно, может быть параллель с переходом общества от варварства к цивилизации. Неопределенность ситуации усугубляется тем, что нынешняя культура, лишенная «вершины» (идеалов) и «основания» (традиций) мало чем может помочь в прогнозах стремительно надвигающегося столкновения с будущим.

Требуется новое мировоззрение, то есть образ бытия, в котором ценностно-смысловые ориентиры были адекватными представлениям человека о мире и о самом себе. Этот образ рождается ныне в столкновении с классическим мировоззрением. Смысл отрицания заключается в отказе от понимания природы как противостоящей человеку механической системы в пользу саморазвивающейся реальности, неотъемлемым компонентом которой является человек. Подобное понимание универсума ориентирует не только на добывание научного знания, но и предполагает включение в стратегию исследования ценностных, прежде всего гуманистических ориентиров.

Взгляд на мир как на континуум, то есть целостную, органично взаимосвязанную систему, оказывается созвучным с интуитивными прозрениями древних мудрецов. В этом смысле современные научные представления о Космосе, жизни, человеке оказываются ближе к интуициям даосов и античных греков, нежели к теориям классической науки. С удивлением для себя мыслящие люди обнаруживают, что будущее коррективно с прошлым, то есть имеет место космический круговорот, что движение вперед есть возвращение назад – к гармонии с природой, с Космосом, что культивировать надо не отдельные способности человека (например, мышление), а развивать все сущностные силы человека (идеал античности); что новые основания социальных связей требуют ассимиляции некоторых гуманистических принципов конфуцианства и т. д.

Поиск новых культурных и мировоззренческих оснований бытия человека не может быть делом механического заимствования из прошлого опыта или произвольного конструирования идеалов на манер утопий XIX в. Эта задача во много является проблемой отбора – как из огромного социокультурного наследия различных цивилизаций, существующих и исчезнувших, выбрать те, что окажутся адекватными жизненным интенциям экотехнического общества. Главное, чтобы в центре оставалась проблема единства, гармонии, целостности, устойчивого развития общества и природы, гуманизации общественных отношений и полноценного развития личности. Будущее не предопределено, туда ведет множество дорог, но надо помнить, что есть и тупиковые. М. Хайдеггер любил повторять выражение Гельдерлина: «где опасность, там вырастает и спасительное». Человеческой свободе и творчеству в условиях мощной и все расширяющейся техносферы нужны «берега», причем не только внешние, но и внутренние, которые ставит перед творцом его совесть. Творчество имеет гуманистическую ценность лишь в том случае, если оно развивает и обогащает жизнь новым содержанием и теми качествами, которые служат развитию сущностных

сил человека и не ставят под угрозу бытие ни самого человека, ни будущее всего мира.

Таким образом, альтернативой научной картине мира в настоящее время чрезвычайно дробной и противоречивой, должно стать антропо-космическое мировоззрение, в котором субъект и объект, человек и природа не противостояли бы друг другу, а находились в гармонии. Крайности как традиционного (античного и средневекового) мировоззрения, так и новоевропейского (рационалистического) мировоззрения должны быть сняты в новом синтетическом мировоззрении, ассимилирующем все ценное в планетарной цивилизации [1].

Библиографические ссылки

1. Сагатовский В. Н. Вселенная философа [Текст] / В. Н. Сагатовский. – СПб., 2007.
2. Шубин В. И. Цельность космоцентрического мировоззрения и его утрата [Текст] / В. И. Шубин // Биокосмология. – Великий Новгород, 2010.

Надійшла до редколегії 14.01.11

УДК 172

Т. В. Щириця

*Національний технічний університет України
«Київський політехнічний інститут»*

СОЦІАЛЬНА ЕТИКА: ТЕОРІЯ ТА ПРАКТИКА

Розглядаються теоретичні засади та практичні форми соціальної етики, зв'язок етики і соціальної етики.

Ключові слова: етика, практична філософія, мовленнєві акти.

Рассматриваются теоретические основания и практические формы социальной этики, связь этики и социальной этики.

Ключевые слова: этика, практическая философия, речевые акты.

Theoretical foundations and practical forms of social ethics, correlation between ethics and social ethics are considered.

Keywords: ethics, practical philosophy, speech acts.

В останню третину ХХ ст. актуалізуються філософсько-практичні проблеми, які отримали назву «реабілітація практичної філософії» [1]. В цій тенденції етизації філософського знання знаходять свою рефлексію наступні соціально-історичні зміни. Так, в